

Н. К. ПИКСАНОВ

«БЕДНАЯ АНЮТА» РАДИЩЕВА И «БЕДНАЯ ЛИЗА» КАРАМЗИНА

К борьбе реализма с сентиментализмом

1

Может показаться неожиданным и спорным такое заглавие статьи. «Бедная Лиза» Карамзина — прославленное произведение, давно ставшее предметом школьного изучения. Но что такое «Бедная Анюта» Радищева? Под таким заглавием у Радищева нет ни отдельного произведения, ни даже особой главы в том или ином произведении.

Да, такого произведения или такой отдельной главы нет у Радищева.

Но в «Путешествии из Петербурга в Москву» есть глава «Едрово», вся посвященная крестьянской девушке Анюте, и там Анюта неоднократно сама называет себя «бедной». Это и дает мне право выделить эту главу, дать ей наименование «Бедная Анюта» — и сопоставить с карамзинской «Бедной Лизой». И не только сопоставить, но и противопоставить и предпочесть радищевский очерк карамзинской повести.

«Бедная Лиза» необычайно популярна. С 1792 года, когда она была впервые опубликована,¹ повесть перепечатывалась бесконечное количество раз — до наших дней включительно, когда она издана в 1950 году, с иллюстрациями Г. Д. Елифанова Гослитиздатом. При первом же появлении в печати повесть вызвала восторги читателей, и к «Лизину пруду» под Москвой начались

¹ «Московский журнал», 1792, т. 6, кн. 3 (июнь).

постоянные паломничества. В издании 1796 года уже помещена картинка, изображающая пруд и поклонников автора, вырезающих на деревьях свои инициалы; под картинкой — отрывки из стихотворений, посвященных «любезному Карамзину» и его героине. Немедленно возникло влияние «Бедной Лизы» на русскую литературу — не только новеллистическую, но и драматическую. А. Е. Измайлов напечатал «Бедную Машу, российскую, отчасти справедливую повесть» (1801) — «справедливую», т. е. правдивую, достоверную. Некий Иван Свечинский издал свою «Обольщенную Генриетту» (1801), Н. П. Брусилов сочинил «Историю бедной Марии», анонимно напечатана «Несчастливая Маргарита». В 1817 году вышла — уже вторым изданием — пьеса Василия Федорова «Лиза, или следствие гордости и обольщения. С пением и куплетами. В пяти действиях». И долго еще потом не успокаивались поклонники карамзинской Лизы. В 1828 году некий М. М. напечатал стихотворение «Лизин пруд» в своем сборнике «Опыт сонетов». О Лизинем пруде говорилось еще в 1833 году в «Телескопе», в одном описательном очерке. Чернышевский указывал, что в своей «Сердечной Оксане» Квитко-Основьяненко подражал «Бедной Лизе». О карамзинской повести говорилось во всех учебниках и университетских курсах.

Судьба «Бедной Анюты» Радищева была иная.

В те десятилетия, когда в литературе и обществе шумела «Бедная Лиза», нельзя было и пытаться писать о радищевской Анюте, поскольку всё «Путешествие» Радищева было под политическим запретом. Да и позже, когда этот запрет был свергнут, гипноз «Бедной Лизы» оставался еще так велик, а понимание литературного метода Радищева было таким превратным, что даже в советское время глава «Путешествия», посвященная бедной Анюте, долгое время не находила правильной, справедливой оценки.

В своем университетском курсе истории русской литературы, еще с 1938 года, я ставил задачу сравнительной оценки «Бедной Анюты» и «Бедной Лизы»; в статье «Радищев и Грибоедов» 1950 года и в статье «Великий мыслитель и гражданин» в 1952 году я настаивал на раскрытии такого сопоставления — в пользу Радищева. К сожалению, полностью осуществить в печати это задание мне как-то не пришлось.

Впрочем, с большим удовлетворением отмечаю, что новейшее советское литературоведение всё быстрее и увереннее движется к правильному решению задачи. Сошлюсь на высказывания П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, на автореферат диссертации Ю. М. Лотмана «А. Н. Радищев в борьбе с общественно-

политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина» (1951), на статью С. Ф. Елеонского «Реализм Радищева».²

И всё же, принципиально существенная задача: на конкретном примере, на сходных сюжетах раскрыть контрастность двух стилей — *остается только намеченной, но не решенной*.

Дальнейшее мое изложение явится попыткой решения задачи.

2

Тормозом, мешавшим правильному осмыслению литературного творчества Радищева, было превратное понимание его художественного метода.

Издавна литературоведы-компаративисты связывали «Путешествие» Радищева, да и другие его произведения, с западным сентиментализмом, со стернианством, с руссоизмом, а также и с русским сентиментализмом, с карамзинизмом. Так делал (в своих «Западных влияниях») Алексей Веселовский и вслед за отцом — Юрий Веселовский. Ошибочное отнесение Радищева к сентименталистам сказалось и в некоторых работах советского времени. Характерны тут работы Л. В. Пумпянского, Л. Б. Лехтблау и других. Блуждания литературоведов-руссистов отзывались и у литературоведов-западников; так, в коллективной «Истории английской литературы» А. А. Елистратова подчиняет Радищева влиянию Стерна. Руссисты-историки в коллективной «Истории СССР»³ категорически утверждают: «Литературная форма „Путешествия“ была взята Радищевым у английского писателя Стерна».

Здесь наглядно и упрямо проявляется неизжитый формализм. Хватаются за внешние приметы литературного сентиментализма, какие можно найти в текстах Радищева. Для сентиментализма характерна чувствительность — у Радищева в ходу словечко «чувствительность». Сентименталисты любят лирические излияния — у Радищева наблюдается повышенная эмоциональность фразеологии. «Сентиментальный путешественник» (Стерн, Карамзин) охотно излагает свои впечатления и настроения от встреч с людьми, от картин природы — у Радищева то же самое. Для сентиментальной литературы характерен жанр «путешествия» — Радищев написал «Путешествие из Петербурга в Москву».

² «Литература в школе», 1952, № 4.

³ История СССР. Изд. 2-е, т. I, 1947, стр. 661.

Так учиняют разрыв формы и содержания и форме придают решающее значение в определении литературно-художественного направления. Само направление сводится к «стилю», «жанру».

Но такие большие явления в истории литературы, как классицизм, сентиментализм, реализм, не сводимы к стилю. Стиль для них явление вторичное, производное. Стиль определяется и обуславливается мировоззрением, которое само зависит от жизни. Мировоззрение сентиментализма — идеалистическое, с большими примесями фидеизма, религиозности. Социально-политические взгляды сентименталистов — взгляды умеренно-либеральные, консервативные, в последнем счете реакционные.

По внешним приметам к сентименталистам причисляют Руссо, а Радищева — к руссоистам. Но борьба Руссо против феодального строя, его демократизм, теория народного суверенитета, учение о свободе и равенстве, об уравнении собственности — все эти элементы революционности выключают его из круга сентименталистов. Не к Стерну, не к Клопштоку или Бернардену де Сен-Пьеру, а к якобинцам тяготеет по существу литературно-идеологическое творчество Руссо.

Еще менее оснований зачислять в сентиментализм творчество Радищева. В западной литературе ему ближе других Руссо. Но Радищев во многом превосходил Руссо. Он с ним полемизировал. С другой стороны: мировоззрение Радищева теснейшим образом связано с национальной русской жизнью, с русской историей. Поэтому, казалось бы, легче соединить Радищева с сентиментализмом русским. Однако русский сентиментализм лишен демократизма, сильно откачнулся вправо, стал отображением и орудием дворянских охранительных тенденций. Демократизм, материализм, революционность Радищева не по плечу русскому сентиментализму.

Мировоззрение русского сентиментализма насквозь индивидуалистично (как и Стерна, как и Б. Сен-Пьера). Радищев в своих концепциях исходит не от индивидуума, но от коллектива, от общества, от народа. В рассуждении «О добродетелях и награждениях» Радищев противопоставляет «единственность» — обществу, «единственного», т. е. отдельного человека, индивидуума, противопоставляет «общезитию», «общественному сожитию», «общественному союзу». Радищев проповедует, что «силы человеческие, дремавшие, уснувшие паче или поистине мертвые в единственности, воспрянули в общественном сожитии». Радищев против индивидуализма, «прилепленного паче и паче к единственности и самолюблению». Немощные, «расслабленные во единице», люди «едва не всеильными

стали в сообщении, творя чудеса яко боги». К «общественному человеку» Радищев обращается с горячим словом о «силе вашей общей»: «она в тебе и в собратии твоей присносушна. Дерзай желати своего блаженства и блажен будешь. Блажен в общественном союзе — блажен и в твоей единственности».

Радищев понятие «общества» конкретизировал в учении о народе, народе русском, русском крестьянстве. В контрасте с русским дворянским сентиментализмом Радищев изображал не идиллических пейзажей, а подлинный народ, и не только в его «мирном труде», но и в его революционных движениях.

В органической связи с общим реализмом своего мышления — философского, исторического, социального — Радищев применяет реалистический метод и в художественных изображениях.

Язык произведений Радищева крайне своеобразен. В соответствии с революционным пафосом, с агитационно-пропагандистскими заданиями, с высоким строем философской и социальной мысли язык и стиль Радищева страстен, возвышен, публицистичен. Это — язык трибуны. Здесь много книжного, избыточны элементы церковно-славянской лексики, синтаксиса и фразеологии. Но когда Радищев говорит не от себя, а от своих героев, он умеет придать их речи житейскую простоту, естественность, социально-бытовую характерность. Крестьянин, семинарист, купец, дворянин говорят у него каждый по-своему.

Так же умеет Радищев придать характерность, типичность создаваемым образам, персонажам. Реалистически зарисовывает Радищев бытовую жизнь — мужицкую, помещичью, купеческую. Радищев чужд жеманности сентименталистов. Он изображает быт, каков он есть в действительности, он не боится дать и натуралистическую деталь, когда это надо.

Реализм писателя-социолога, экономиста сказывается в создании широких картин народного и государственного хозяйства (например, Вышневолоцкого канала).

Еще глубже, новаторски смелее социальный реализм у Радищева в изображении знати и дворянства, крепостнических насилий, роста народного гнева и классовой борьбы. Никто до Радищева (да и долго после него) не создавал таких реалистических картин народного мятежа, как в «Путешествии».

Революционность мировоззрения Радищева так контрастна, антагонистична мировоззрению русских сентименталистов во главе с Карамзиным, что даже наиболее упрямым защитникам его «сентиментализма» приходится вносить какие-то ограничения, осложнения в свои формулировки. Так, вслед за А. А. Аникстом, Л. В. Пумпянским В. Н. Орлов в своей книге «Радищев

и русская литература» (1949) употребил компромиссную эклектическую формулу: «революционный сентиментализм Радищева» (стр. 18). Автор учебника «Русская литература» (М. Учпедгиз, 1953) А. А. Кайев подхватил ее. Но такая формула — нечто вроде оксюморона: «роскошная нищета», «сладкая горечь». С. Ф. Елеонский резонно возражал: «Выражение „революционный сентиментализм“, двусмысленное само по себе, применительно к литературному творчеству А. Н. Радищева звучит особенно фальшиво, квалифицирует его совершенно превратно. Сентиментальное восприятие революции было чуждо Радищеву». Еще резче против отнесения Радищева к сентименталистам высказался П. Н. Берков: «Настоящий сентиментализм представляет явление реакционное, сколько бы ни упрямылись литературоведы, выгораживая те или иные произведения сентиментализма. . . Поправки на революционность не спасают мнимого сентиментализма. . . нет, Радищев не сентименталист, а один из зачинателей русского критического реализма». ⁴ И все-таки даже в 1952 году В. Н. Орлов повторяет: «В целом творчество Радищева, если подходить к нему исторически, следует рассматривать как выражение тех художественных тенденций, которые в своей совокупности покрываются принятым в историко-литературной науке понятием сентиментализм». ⁵

Определять Радищева как сентименталиста — значит тянуть его назад и книзу. Если уже непременно сближать с кем-нибудь несравнимого Радищева, то лучше сопоставлять его с сатирической журналистикой Новикова и Крылова да с «Недорослем» Фонвизина.

3

Противопоставлять же Радищева следует Карамзину и сентиментальной школе.

«Бедную Лизу» в литературном обиходе принято считать лучшим образцом русского сентиментального повествовательного стиля. Это неверно. Ценнее в художественном отношении и глубже в идейно-психологическом другая повесть Карамзина, «Юлия» (1794). Но согласимся, что «Бедная Лиза» очень показательна и характерна.

⁴ П. Н. Берков. А. Н. Радищев в истории русской литературы. «Ленинградский университет», 1949, 1 сентября, № 28.

⁵ Вл. Орлов. Радищев и русская литература. Изд. 2-е, Л., 1952, стр. 31.

Характерен самый язык этой повести.⁶ Вот несколько примеров. Крестьянская девушка Лиза: «Ах, нет, матушка! Я этого не думаю». Старая крестьянка: «Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет»; «не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер». Лиза Эрсту: «Без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен»; «Видеть тебя есть великое благополучие для всякого»; «Жестокый человек! ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое». Она же: «О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную! Нет! небо не падает; земля не колеблется. Горе мне!». Эрст выпил поданный Лизой стакан молока — «и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее». Еще: «Мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна». Еще: «Рощи, кусточки оживились; птички вспорхнули и запели; цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами солнца»; еще о Лизе: «Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с ее стенаниями».

Карамзин охотно включает в свою сентиментальную повесть пастораль-миниатюру: когда «молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели», Лиза думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: Здравствуй, любезный пастушок! куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих; и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей» и т. д. Эрст — «...восхищался своей пастушкой — так называл Лизу».

И Лиза, и ее шестидесятилетняя мать часто произносят лирические монологи. Нередко эти монологи начинаются междометием «Ах!» — тем междометием, от которого потом образована критиками ироническая фамилия Ахалкин.

Сам автор не уступает своим героиням в лиризме и патетике. Вот для примера: сообщив читателям, что Эрст выпроводил Лизу из кабинета при содействии слуги, Карамзин продолжает: «Сердце мое обливается кровию в сию минуту. Я забываю человека в Эрсте — готов проклинать его — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! для чего пишу не роман, а печальную быль?»

⁶ Повесть цитируется по изданию: Русская проза XVIII века, т. II. Ред. А. В. Западова и Г. П. Макогоненко, Гослитиздат, Л., 1950.

В этой своеобразной лексике речей героинь и автора, в этой характерной стилистике и фразеологии ярко сказался барский жаргон, какой внедряли в русскую литературу Карамзин и сентименталисты.

И автор, и героини часто плачут. О матери Лизы Карамзин даже пишет: «Бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего, — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать». На успокоительные речи дочери мать отвечала: «На том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего».

Настойчиво Карамзин создает особую психологию своих героинь — необычайно эмоциональную, типично сентиментальную. Постепенно и неуклонно складывается образ Лизы как образ барышни-крестьянки, вернее — крестьянки-барышни, с изысканным литературным языком, с повышенной чувствительностью и т. д. Автор щедро рассыпает в применении к ней эпитеты: нежная, робкая и пр. Да и мать Лизы изображена чертами какой-то барыни-крестьянки или крестьянки-барыни — вне реального трудового быта крестьянства.

Автор неохотно касается бытовой, трудовой жизни героинь. Правда, вначале он сообщает читателям скороговоркой, что Лиза, «не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды и всё сие продавала в Москве». Но в ходе повествования крестьянский труд не показан; автор словно забывает о нем. Так, Лиза поутру пропадает целых два часа на свидании с Эрастом — и мать этого не замечает. О самой матери Карамзин рассказывает: «Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала», — и только; кроме наслаждения природой, ни о чем другом не упомянуто.

Когда Лиза рассказала матери о своей первой городской встрече с молодым барином Эрастом, предложившим рубль за цветы, стоившие пять копеек, мать резонно ответила: «Лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты еще не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку. У меня всегда сердце бывает не на своем месте, когда ты ходишь в город». Это резонно. Но когда красивый офицер Эраст сказал ей: «Мне хотелось бы, чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы», — неожиданно «старушка с охотой приняла сие предложение». Когда Эраст «хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены»,

вдова, правда, отказывалась брать лишнее, но в самом предложении офицера не находила ничего подозрительного, — как и в его частых визитах, — вопреки своим прежним благоразумным наставлениям.

Так нереально, неправдоподобно завязывается повествование.

Это не значит, что в повести не будет реальных, правдивых данных. В частности, правдиво обрисован сам Эраст, молодой, красивый, богатый барин, не лишенный добрых черт, но уже испорченный барско-офицерской средой, бесхарактерный, легко поддающийся дурным увлечениям, проигрывающий в карты целое состояние и потому вынужденный жениться на богатой вдове и порвать отношения с Лизой. Однако вся повесть построена так, что сводится к истории интимных переживаний и моральному конфликту. Подлинная социальная среда, где происходит конфликт, затушевана; Лиза и ее мать с успехом могли бы быть поняты читателем как горожанки, как бедные дворянки. Крепостная эпоха никак не угадывается в повести.

К чести Карамзина-писателя необходимо признать, что он проявляет немало моральной чуткости, гуманизма. Мать и дочь зарисованы и оценены с явной симпатией. Разрыв Эраста с Лизой расценивается автором отрицательно, порицательно. «Эраст, — пишет Карамзин, — был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею».

И всё же тяжелой драме — измене Эраста и самоубийству Лизы — автор дает не социальное, а моралистическое осмысление и разрешение. Рассказав о смерти Лизы и потом Эраста, Карамзин замыкает повествование сентенцией: «Теперь, может быть, они уже помирились!» — за гробом, на том свете, в который Карамзин верит так же твердо, как и мать Лизы. От своего собственного имени он пишет: «Таким образом окончила жизнь свою прекрасная душой и телом. Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!»

Ничего иного сказать читателю писатель не имеет.

4

Совсем иначе, контрастно и по существу антагонистично «Бедной Лизе», строит свою повесть о бедной Анюте Радищев.

Впрочем, необходимо отметить, что у Радищева с Карамзиним имеется немало внешних, фабулярных сближений. Как у Карамзина, у Радищева барин заводит знакомство с бедной крестьянской девушкой. У девушки есть мать-вдова, и барин

с нею встречается. Как и у Карамзина, барин у Радищева предлагает вдове и ее дочери денежную помощь. И там, и здесь к девушке сватается деревенский парень.

Всё это помогает сравнительному анализу двух повестей.

Но при сравнении сразу же начинают вырастать контрасты.

Когда проезжий-барин, т. е. сам Радищев, на станции Едрово, встретив девушку Аннушку, несущую на коромысле тяжелое мокрое белье, затевает с нею разговор (в стиле Эраста), Анюта отвергает его помощь: «Спасибо, спасибо; часто мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою»; «не подъезжай, пожалуй».⁷ Барин уверяет Аннушку, что он не негодяй, не хочет ее обесчестить, что он чтит искренность чувств деревенских девушек. И дальше мы читаем строки, подобных которым не найдем у Карамзина:

Девка в сие время смотрела на меня, выпяля глаза с удивлением. Да и так быть должно; ибо кто не знает, с какою наглостию дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шутки с деревенскими девками. Они в глазах дворян старых и малых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают; а особливо с несчастными, подвластными их велениям <т. е. крепостными>.

А рядом — еще более резкая тирада:

В бывшее пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некакие крестьяне (повесть сия нелжива), связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был господин добрый и человеколюбивый, но муж не был безопасен в своей жене, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злобствовавших (144).

Автор считает эту тему столь существенной, что на следующей же странице вновь к ней возвращается. Словно предвосхищая поведение карамзинского Эраста, Радищев пишет:

Не бойся меня, любезная Анюта, не подобен я хищному зверю, как наши молодые господчики, которые отъятие непорочности ни во что вменяют (145).

Глубокое мужицкое недоверие к искренности «доброго барина» проявляется и во встрече путешественника-автора с матерью Анюты. От девушки автор узнает, что за нее сватается хороший парень, но родители не отпускают его к ней в дом —

⁷ Цитаты приводятся по тому же изданию: Русская проза XVIII века, т. II.

«просят сто рублей». «А матушка меня не отдает; я у ней одна работница». Тогда повествователь решает подарить эти сто рублей матери Анюты и идет в их избу. Мать он застаёт не в сентиментальной элегической бездеятельности, как мать Лизы, а за обычной крестьянской работой. Происходит замечательный диалог. Радищев рассказывает:

В избе я нашел Анютину мать, которая квашню месила; подле нее на лавке сидел будущий ее зять. Я без дальних околичностей ей сказал, что я желаю, чтобы дочь ее была замужем за Иваном, и для того принес ей то, что надобно для отвлечения препятствия в сем деле.

— Спасибо, барин, — сказала старуха, — в этом теперь уж нет нужды. Ванюха теперь пришел сказывал, что отец уж отпускает его ко мне в дом. И у нас в воскресенье будет свадьба.

— Пускай же посуленное от меня будет Анюте в приданое.

— И на том спасибо. Приданого бояре девкам даром не дают. Если ты над моей Анютой что сделал и за то даешь ей приданое, то бог тебя накажет за твое беспутство; а денег я не возьму. Если же ты добрый человек и не ругаешься над бедными, то, взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают. . .

Я было еще попытался дать им денег, отдавая их Ивану на заведение дому; но он мне сказал:

— У меня, барин, есть две руки, я ими дом и заведу. — Приметив, что им мое присутствие было не очень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке (146).

Автор заключает: «Я не мог надивиться, нашед толико благородства в образе мыслей у сельских жителей» (146).

Радищев не вдаётся в подробное описание бытовой обстановки, в какой происходила замечательная беседа. Это здесь и не нужно: в главе «Пешки» Радищев даёт описание крестьянской избы — настолько точное и реалистичное, что советские музеи быта по нему изготавливают макеты «чёрной» избы XVIII века:

Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянския избы. Первый раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. — Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажеею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. . .

Здесь, прерывая описание, не в силах будучи сдержать гнев, Радищев пишет:

Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что.

крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не только дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отнять у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отнять ее у него постепенно! С одной стороны — почти всеислие; с другой — немощь беззащитная (204).

С точным и смелым реализмом передает Радищев рассказ Анюты о ее трудном бытовом положении:

Меня было сватали в богатый дом за парня десятилетнего; но я не захотела. Что мне в таком ребенке; я его любить не буду. А как он придет в пору, то я состареюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того-то не захотелось идти к нему в семью. Я хочу себе ровню (144).

Этот откровенный, прямой рассказ девушки о язве крестьянского быта, о снохачестве, невозможен, просто немислим у Карамзина с его чопорностью, с его барской брезгливостью.

С тем же смелым реализмом, не боящимся и натуралистической детали, Радищев пишет в соседней главе («Валдаи») о гулящих валдайских девках:

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разурмяненных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия... Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят совлекая с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его именем (140).

Радищев видит и изображает жизнь, как она есть, без прикрас, со всеми недостатками.

Но острый взор писателя-публициста умеет увидеть в жизни и положительное, ценное, то, что обеспечит лучшее будущее. Положительные, творческие силы Радищев видит именно в трудовом народе, в крестьянстве, а не в дворянстве. Не излагая этой радищевской темы во всей полноте, напомним только поразительное сопоставление крестьянских женщин с городскими дворянками в той же главе «Едрово»:

Приезжайте сюда, любезные наши боярыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы... Станьте, с которою из них вы хотите, рот со ртом; дыхание ни одной из них не заразит вашего легкого. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало... болезни... боюсь сказать какой;

хотя не закраснеетесь, но рассердитесь. Разве я говорю неправду? Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников. Познакомься сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает; да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем заразилась. А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть; но на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка из докторских рук не выхаживал; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старика генерала, и спешит тебя выдать замуж для того толькo, чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому <намек на внебрачную беременность> (142).

Тема о развратных нравах столичных дворян, о «дурной болезни» в их среде — опять небывалая, невозможная для сентименталиста тема.

Возьму еще одну цитату из Радищева.

Выше говорилось о том барском жаргоне, каким переполнены речи карамзинской Лизы и ее матери.

Речь крестьян у Радищева строится иначе — близко к подлинной народной, мужицкой речи. Образцы ее даны уже в приведенных выше высказываниях Анюты и ее матери. Вот еще один пример. Ямщик откровенно говорит барину, автору, Радищеву:

— Видно, барин, — говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, — что ты на Анютку нашу призаирался. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье (149).

5

Приведенных цитат достаточно, чтобы получить право сказать: Радищев и Карамзин — не союзники в созидании единого стиля, а враги, антагонисты. Один из них — глубокий реалист, другой — убежденный сентименталист. Таковы они по существу, хотя бы не читали ни одной строки друг у друга.

Но следует помнить хронологию их писаний. «Путешествие из Петербурга в Москву» напечатано в 1790 году, и с этого года Радищев надолго замолк. «Бедная Лиза» напечатана двумя годами позже, и с 1792 года Карамзин развил бурную литературную деятельность. Откликнуться на его творчество Радищев не мог. А Карамзин — откликнулся ли он на «Путешествие» Радищева?

Вне всякого сомнения, Карамзин знал знаменитую книгу Радищева — не мог ее не знать, если не в печатном тексте, то в одном из многочисленных списков.

Было бы невероятно, неправдоподобно, если бы идеолог крепостнической монархии и глава русских сентименталистов Карамзин не откликнулся — прямо или опосредствованно — на книгу революционера и писателя-реалиста Радищева. Хотел того Карамзин или нет, но его «Бедная Лиза» противостоит «Бедной Анюте» Радищева. Рассказ Карамзина «Сельский праздник и свадьба» (1791) дает тенденциозную идиллию, когда «поселяне из церкви пришли в дом к господину» и тот, «как отец с детьми», преподавал им «моральные истины» и «увещевал их быть трудолюбивыми». В очерке «Нежность дружбы в низком состоянии» (1793) находим у Карамзина такой диалог между госпожой М. и крестьянкой Анютой:

Госпожа М.: Вам должно быть очень весело, друзья мои? — Анюта: Как не весело, сударыня! Мы рады всему белому свету, встаем, молимся богу, целуемся, работаем с охотой, шутим, смеемся, говорим почти без умолку... После работы отдыхаем, играем с детьми и не видим, как проходит день... — Госпожа М.: Итак, вы совершенно довольны своим состоянием, друзья мои? — Анюта: Конечно, сударыня», и т. д.⁸

Контрастом к образам строптивых крестьян в «Путешествии» Радищева является Фрол Силин, «благодетельный человек» в одноименной повести Карамзина (1791); повесть написана словно в ответ Радищеву.

Противопоставлены радищевским дворянам образы дворян карамзинских — чувствительных, душевно чутких, полных дворянского достоинства и чести, высоко культурных, преданных своей семье, благосклонных к своим крепостным. Карамзин явно, намеренно идеализирует мирное житие крепостной деревни. Но он отлично знает и помнит, что под наброшенным в его повестях идиллическим покровом идет именно та социальная борьба, какая гениально разоблачена Радищевым. В год смерти Радищева Карамзин опубликовал повесть «Рыцарь нашего времени» (1802). Литературоведы много писали об отличной разработке психологического образа героя, Леона, о сложном душевном росте его с детских лет. Но удивительно, что не оценили своеобразной и характернейшей ретроспективной «утопии», включенной в это «Детство и отрочество» российского дворянина. Восьмая глава повести носит название: «Братское общество провинциальных дворян»; общество это было не просто кружком приятелей, это была целая организация, «мататоры провинции», как пишет Ка-

⁸ См.: П. А. Орлов. Идейный смысл повести Н. К. Карамзина «Бедная Лиза». «Ученые записки Рязанского гос. педагог. института», т. X, 1955, стр. 46—47. В позднейшей статье — «Радищев и сентиментализм» («Ученые записки» того же института, т. XII, 1956) — автор повторяет эклектическую формулу: сентименталист-реалист.

рамзин. Ими был составлен и подписан «Договор братского общества» — и вот его начало: «Мы нижеподписавшиеся клянемся честию благородных людей жить и умереть братьями, стоять друг за друга горою во всяком случае, не жалеть ни трудов, ни денег для услуг взаимных, поступать всегда единодушно, наблюдать общую пользу дворянства, вступаться за притесненных и помнить русскую пословицу: тот дворянин, кто за многих один». «А кто из нас не сдержит своей клятвы, тому будет стыдно и того выключить из братского общества».

Только среди социальных антагонизмов и в ясном классовом (дворянском) самосознании могла возникнуть у писателя-сентименталиста такая «утопия».

А годом раньше, в пятом томе «Писем русского путешественника» (1801), Карамзин напечатал: «Утопия (или царство счастья — сочинение Моруса) будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени... Всякие насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот».

Сентиментализм Карамзина и его единомышленников становился воинствующим. Ю. М. Лотман поставил эту тему в своей диссертации «А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина» (1951). Он пишет (автореферат, стр. 12): «Завершивший свою политическую эволюцию, Карамзин выступает в эти годы как прямой противник революционной идеологии Радищева. Изучение издаваемого Карамзиным журнала позволяет вскрыть ряд полемических выпадов против Радищева, а также активное участие издателя „Вестника Европы“ в напряженной общественной борьбе, развернувшейся вокруг гибели Радищева». К сожалению, читателям доступен только автореферат этой диссертации.

Но что и теперь уже совершенно ясно, это исторический исход борьбы Радищева и Карамзина, борьбы реализма и сентиментализма. Борьба решилась в пользу Радищева и реализма.

Борьбу эту ошибочно было бы понимать только как борьбу двух литературных стилей, двух эстетических систем, сентиментализма и реализма. Неверно было бы понять ее и как столкновение двух теоретических мировоззрений, консервативного и революционного.

В борьбе Радищева и Карамзина было отчасти и то и другое — эстетические, и философско-политические элементы. Но было еще иное, основное, то, что предопределило собою и черты эстетические, и черты теоретические. То был социальный субстрат литературного творчества двух писателей: у одного — дворянский, у другого — демократический.

Склонных к формализму литературоведов сбивало с толку то обстоятельство, что в «Путешествии» Радищева находимы подоби́я или прямые восприятия сентиментальной манеры — в языке, в лиризме, в жанровых элементах «путешествия». Но такие черты не органичны для стиля «Путешествия»; преобладают и количественно, и по своей значимости черты реалистические.

Столь же бесспорно, что и в стиле «Бедной Лизы» и вообще у Карамзина-новеллиста и поэта, как и у других русских сентименталистов, явственны черты реализма. Так, достижением литературного реализма явилась культурно-психологическая характеристика Эраста: «... довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным»; «вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою»; «читывал романы, идиллии; имел довольно живое воображение» и т. д. Много реалистических черт рассеяно в повести «Юлия», как и в других психологических повестях Карамзина. Сам будучи даровитым, искренним поэтом-лириком, Карамзин писал («Аониды», вторая книга): «Поэзия состоит не в надутом описании ужасных сцен природы, но в живости мыслей и чувств. Молодому питомцу муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот природы», — и вот в русской сентиментальной лирике находим много правдивых, реалистических изображений душевной жизни. Больше того: у Карамзина найдем иронические высказывания против ультрасентиментализма; Эраст, начитавшись романов и идиллий, «часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали».

И все-таки Карамзин остается сентименталистом. Индивидуализм, субъективизм, асоциальность, авторитарность властно определяют собою стиль Карамзина, — как социальность, демократизм, материализм, революционность организуют стиль Радищева.⁹

Огранично для обоих авторов то, что возникает из социального положения, занимаемого тем или другим, — из дворянского консерватизма у Карамзина, из демократизма и революционности у Радищева.

⁹ О социальном генезисе литературных направлений см.: Н. К. Пиксанов. К проблеме реализма «Горя от ума». Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, вып. I, 1949.

Выше говорилось, какой огромный успех имела «Бедная Лиза» у читателей и писателей. Успех был не только литературный, эстетический, но и общественный, морально-социальный. Обширные круги русского дворянства конца XVIII — первой четверти XIX века приняли сентиментальную повесть на свое вооружение. Карамзинистами стали не только многие писатели, но и рядовые дворяне.

Однако и «Путешествие» Радищева имело большой и глубокий успех. Он был бы несравненно больше, если бы не политические репрессии. Но и в условиях жестокой реакции число радищевцев было велико. Вопреки ошибочной литературоведческой версии об одиночестве Радищева список радищевцев продолжает расти в советской историографии. «Путешествие» Радищева приняла на свое вооружение молодая русская демократия, антагонистичная русскому крепостническому дворянству и следовавшая велениям самой русской жизни, полной крестьянскими восстаниями.

Советское литературоведение мыслит теперь Радищева как одного из славных зачинателей того демократического реализма, наследником которого является социалистический реализм.
